

Линь Суйци снова связали по рукам и ногам. Его тело пронзала острая боль, особенно в области поясницы и спины — лысый мужчина несколько раз с силой ударил его стальной трубой.

Хрупкий, худощавый юноша опустил голову, прикрыв веки. Холодный пот градом катился по его бледным щекам, а запястья, стянутые за спиной, были в крови. Его нежная, словно фарфоровая, кожа на фоне багровых пятен выглядела пугающе.

Вернувшийся снаружи Шрамированный, узнав, что Цзян Лэ сбежал, пришел в ярость.

— Как это вышло? Как вы могли позволить ему улизнуть! Чем вы вообще занимались? Не смогли удержать двух изнеженных щенков!

— Все из-за этого мальчишки! Он вцепился в меня мертвой хваткой, не отпускал! Черт!

Лысый, вспоминая случившееся, закипел от злости. Он смачно сплюнул, схватил Линь Суйци за волосы и со всей силы ударил по его бледной, лишенной всякой крови щеке.

Раздался звонкий шлепок. На щеке тут же проступил отчетливый красный отпечаток, который начал нестерпимо жечь.

Линь Суйци, вынужденный поднять голову, встретился взглядом с сальным, свирепым лицом лысого. Он даже не шелохнулся, лишь плотнее сжал пересохшие губы и едва заметно нахмурился.

Такое поведение лишь сильнее разозлило мужчину. Он замахнулся снова, осыпая юношу отборной бранью.

Шрамированный остановил его:

— Довольно. Он слишком хлипкий, еще не выдержит — добьем раньше времени. Он нам еще нужен, чтобы получить деньги.

Лысый разжал пальцы, вытащил сигарету, закурил и выпустил облако дыма.

— Настоящий молодой господин сбежал. Сколько может стоить этот подкидыш?

— В его жилах все еще течет кровь Цзян Хунъюя. Отец не будет просто смотреть, как он умирает.

— Верно. Семья Цзян ворочает миллионами, неужели они поскупятся на пару миллионов?

В спокойных глазах Линь Суйци мелькнуло едва уловимое волнение. Цзян Лэ выбрался, он знает, где находится склад, и скоро должен привести помощь. Цзян Лэ обещал, что обязательно спасет его.

Но Линь Суйци не был уверен. Он знал, что Цзян Лэ его не любит, даже презирает, как бы тот ни притворялся при посторонних.

Если Цзян Лэ не будет рядом, станет ли отец платить выкуп? Должен бы, ведь он помог Цзян Лэ сбежать... Ради этого отец не должен бросить его на произвол судьбы.

Как же больно...

Он думал о том, что если вернется живым, то расскажет всю правду отцу и... матери.

В голове Линь Суйци проносились сумбурные мысли, в сердце зарождалась слабая надежда, а в темных, глубоких глазах промелькнул блеск. Казалось, даже физическая боль немного отступила.

Отец спасет его, и тогда все наладится. Нужно просто продержаться. Еще немного.

Поскольку местоположение склада было раскрыто, Шрамированный и лысый, посоветовавшись, решили сменить убежище. Они заклеили рот Линь Суйци скотчем, надели на голову мешок и закинули его в фургон с поддельными номерами.

После получасовой тряски в дороге Линь Суйци оказался в заброшенном недостроенном здании, где именно — он не знал. Юноша сидел, прислонившись к стене на холодном бетонном полу. Его тонкие черты лица выражали крайнюю степень усталости, а грудь едва заметно вздымалась.

Он изнывал от жажды и усталости, тело стало совсем ватным.

Шрамированный сорвал скотч с его губ и грубо влил в рот несколько глотков воды. Затем он вышел, чтобы поговорить по телефону. Судя по тону, собеседник разозлил его не на шутку.

— Нам нужны только деньги! Заплатите — и мы сразу отпустим его!

— Что? Ваши активы исчисляются миллиардами, и вы не можете найти жалкие пару миллионов?!

— Цзян Хунъюй, у меня в руках твой родной сын!

— Черт!

Шрамированный кричал так громко, что Линь Суйци слышал каждое слово. Даже не зная, что отвечал Цзян Хунъюй, он по гневным выкрикам похитителя мог догадаться о сути разговора.

Нет, этого не может быть...

Линь Суйци поднял голову. На его бледном, прежде спокойном лице отразился неподдельный ужас. Он смотрел на мечущегося за дверью Шрамированного, и в его красивых глазах читались паника и неверие. Длинные ресницы дрожали, словно крылья бабочки, заблудившейся в снежной буре.

В этот момент Шрамированный пнул стену, ворвался внутрь, грубо схватил Линь Суйци за волосы и, поднеся телефон к его лицу, рявкнул:

— Скажи что-нибудь своему дорогому папочке! Пусть раскошеливается, если хочет тебя вернуть!

Даже после нескольких глотков воды горло Линь Суйци саднило. С покрасневшими глазами, не зная, что делать, он посмотрел в экран и выдавил из себя хриплым голосом:

— Папа, ты можешь... вытащить меня отсюда? Мне... мне очень больно.

Даже сейчас в глубине души теплилась крошечная, нелепая надежда. Отец не мог так с ним поступить. Не мог.

Однако в ответ он услышал лишь холодные слова:

— Я же сказал, не называй меня отцом.

Голос Цзян Хунъюя был ровным, лишенным каких-либо эмоций. Проходя через динамик телефона, он казался почти ледяным:

— Линь Суйци, можешь развлекаться как хочешь, но ты не должен был, ни в коем случае не должен был трогать Лэ-лэ.

— Хорошо, что с ним все в порядке, иначе мы бы тебя не простили.

— И в дом семьи Цзян можешь больше не возвращаться.